

Шу Цзюнь впервые видел духовное тело в такой форме и даже мысленно воскликнул: «Это вообще можно считать духовным телом?»

Однако он знал, что нельзя показывать излишнего удивления, поэтому позже наедине спросил Ю Юй. Та на мгновение задумалась, затем честно ответила:

— Не знаю.

Говорили, духовное тело Ю Цюань не имело предела, могло бесконечно ветвиться, а фактический верхний предел определялся её духовной силой и мастерством. Сама же она могла ощущать всё, что видели и слышали выпущенные духовные тела, хотя и не всегда отчётливо, да и не могла постоянно распределять внимание между всеми своими духовными телами — в конечном счёте ограничения были велики. Но по сравнению с другими, кто, присоединяясь к духовным телам, мог получать информацию лишь в соответствии с их особенностями, да и то чаще всего смутную, почти полностью полагаясь на интуицию, чтобы понять, что именно они видят, — Ю Цюань была невероятно сильна, beyond обычного воображения.

Шу Цзюнь как-то пробовал присоединиться к змейке, чтобы исследовать знакомую обстановку, но обнаружил, что в сознании почти не возникает картинок, лишь слабое ощущение света. Зрение у змей, конечно, не настолько плохое, но, видимо, в присоединении к духовным телам у него от природы не было особых перспектив, так что добывать информацию таким путём было трудно.

В конце концов, Ю Цюань была единственной в своём роде.

Однако, даже сильно уступая Ю Цюань, Шу Цзюнь обнаружил главную пользу от присоединения к змейке. В её глазах он видел светящиеся точки — это были люди. Чем выше мастерство, тем ярче сияние. Хотя и трудно было выразить словами, Шу Цзюнь заметил: хотя точки отличались лишь яркостью, они передавали ему разные ощущения. Смутные, но позволяющие уловить, опасен ли человек, расслаблен ли он.

Это была интуиция. Некоторые люди, чьи точки сияли очень ярко, не казались ему особо опасными, и в душе возникало чувство: «С этим я справлюсь».

Неудивительно, что и Сюэ Кайчао, и Ю Юй были уверены — он прирождённый убийца.

Выпустив змейку, Шу Цзюнь бесшумно присоединился к ней, но не рискнул войти в комнату, опасаясь быть обнаруженным, и лишь заполз на подоконник.

При присоединении слух был неострым, даже услышав обрывки фраз, трудно было что-то проанализировать. Но Шу Цзюнь и не для подслушивания сюда пришёл — он хотел оценить обстановку в цветочном зале.

Неожиданно, хоть он и не смог ничего разузнать, но обнаружил, что, кажется, может видеть не только людей, но и предметы.

В зале было три человека, но светящихся точек — четыре. Шу Цзюнь не понимал, что это, но когда один из людей вышел из зала, он открыл глаза и увидел, что тот держит ладонью коробочку. Интуиция заставила его присмотреться, и он заметил, что та приоткрылась, и изнутри пробился тёплый красноватый свет.

Шу Цзюнь внезапно вспомнил увиденное в Секте Призраков сокровище, которое Семья Мэн

передала Вань Мэй и которое помогло ей подавить главу секты — Янтарный шип.

После событий в Секте Призраков Ю Юй не слишком вмешивалась в процесс зачистки, но Янтарный шип забрала без малейших колебаний. Шу Цзюнь тоже его видел, впечатление осталось глубоким. Хотя и назывался Янтарный шип, на самом деле это был набор, выглядел красноватым, в темноте светился, напоминал нефритовые иглы, самая длинная — не больше пальца. Это было сокровище, используемое для уколов в акупунктурные точки, подавления мастерства и даже душ.

Но в руки Вань Мэй попало лишь половинка набора. Подобные вещи, в общем-то, не редкость, и у них есть установленные правила, различается лишь материал. По идее, на каждой игле выгравированы разные символы, да и количество их фиксировано, так что Ю Юй могла их опознать.

Куда делась вторая половина набора, они тогда лишь на миг задумались, но по-настоящему не расследовали. И вот теперь Шу Цзюнь с первого взгляда узнал — это была оставшаяся половинка Янтарного шипа.

Собственно, тогда они и предполагали: Янтарный шип — редкостная драгоценность, передавался из поколения в поколение, потеря части — дело обычное. Половины набора хватило, чтобы обуздать главу Секты Призраков, значит, и этого достаточно.

Шу Цзюнь, увидев добычу, обрадовался, тихонько проследил за тем человеком, вышел вслед за ним чёрным ходом из резиденции губернатора и углубился в переулочек.

Мастерство этого человека было средним. Шу Цзюнь, полагаясь на свой выдающийся врождённый талант, не боялся, что при внезапном нападении тот сможет контратаковать. Но ему было любопытно, куда же тот направляется, поэтому он сдержался и не напал. Однако вскоре обнаружил, что тот, петляя по улицам и переулкам, пришёл в гостиницу.

Вообще-то, это было странно. Если Янтарный шип взяли у губернатора, чтобы передать цели Шу Цзюня, то почему его не отнёс сам часто бывающий там губернатор? Если же его принесли эти люди, то зачем им было заходить к губернатору, делать крюк?

Шу Цзюнь не мог понять, но заметил, что обычно строго охраняемая гостиница сейчас была почти безлюдной, охрану, похоже, специально отвели — именно чтобы принять этого гостя.

Шу Цзюнь обрадовался, проследовал за ним внутрь, повис под карнизом, наострил уши, слушая разговор внутри. Он подавил своё присутствие до крайней степени, оба внутри к тому же были отвлечены, вот он и воспользовался основами, заложенными ещё в театральной труппе, повис, не используя ни капли духовной силы, — так его было нелегко обнаружить.

Спустя несколько фраз Шу Цзюнь уже определил: один из голосов, низкий, принадлежал его цели — «Золотому Змею».

Другой, помоложе, — тот, кто провёл его сюда, Хань Чжи.

Звучало, будто они знакомы, но на деле отношения были не столь тёплыми, как тон. Золотой Змей предложил Хань Чжи сесть, после чего начался обмен любезностями. Имён Шу Цзюнь не знал, но догадывался: сейчас они могут упоминать только людей из Семьи Мэн, поэтому старался запомнить важные части разговора.

Пока он сосредоточенно слушал, внутри беседа зашла в тупик. Золотой Змей ударил ладонью

по столу, голос его стал холодным:

— Я всего лишь приглашённый советник Семьи Мэн, а не их собака! Тебе нечего меня перепроверять!

Шу Цзюнь насторожился, сосредоточился на слухе.

Двое в комнате, похоже, давно не ладили, просто, находясь под крылом Семьи Мэн, вынуждены были поддерживать видимость. Теперь, когда никого не было, Золотой Змей, как старший, терпеть указания Хань Чжи больше не собирался. Он, хоть и предал учителей и предков, покинул Секту Чистоты и не мог действовать открыто и безнаказанно, но, имея высокое мастерство, другим было не с ним тягаться. К Семье Мэн он относился скорее как к партнёру, а не как к месту, где можно укрыться и выжить, и не считал, что они ему чем-то обязаны.

Хань Чжи был молод, да и способности заурядные, был прихвостнем Семьи Мэн, mindset у него, естественно, другой. Но он умел устраивать дела, был настоящей цепной собакой Семьи. Обычно он хоть и побаивался Золотого Змея, но и претензии копились. Хань Чжи давно затаил злобу на высокомерие и холодность Золотого Змея, а теперь, считая, что действует по поручению «старейшин» Семьи Мэн, за спиной у него была поддержка, и терпеть он больше не желал.

Увы, его поддержки рядом не было, а Золотой Змей убивал и грабил не раз, нрав имел крутой и жестокий, эта провокация уже пробудила в нём убийственный настрой. Нарочито ударив по столу и разыграв гнев, он лишь сбивал с толку Хань Чжи.

Убивал он всегда без предупреждения, внезапно нападая и забирая жизнь, а потом в мгновение ока возвращался к обычной беседе и улыбкам, любил эффект неожиданности, атаку в момент расслабленности.

Хань Чжи же и не предполагал, что Золотой Змей вообще не считает его за человека, более того, уверен: даже убив его, не разгневет Семью Мэн, да и сотрудничество ничуть не пострадает. Поэтому, видя гнев Золотого Змея, он не распознал мелькнувший в его глазах kill intent, тоже вскочил на ноги:

— Значит, по-твоему, я и есть собака! Ты смеешь проявлять ко мне неуважение! Я пришёл передать слова старейшин!

Такими словами можно было напугать разве что неопытного юнца. Золотой Змей же ни капли не испугался. Хань Чжи принимал пустяковый приказ за важный указ — всего лишь передавал слова старейшин, подталкивая Золотого Змея поскорее покинуть Сунчжоу и присоединиться к Семье Мэн, но, кажется, вообразил, что и сам может им командовать. Он и не подозревал, что в глазах Золотого Змея он просто не имел на это права.

В Семье Мэн иерархия была жёсткой, верхние слои жестоко угнетали нижние. Такие, как Хань Чжи, что благодаря сообразительности удержались на плаву, но не обладали выдающейся силой, тоже имели свою пользу, найдя нужного покровителя, могли и статус повысить. Пока он был в Семье Мэн, его окружали лестью, он купался в лучах славы. Именно поэтому Хань Чжи и представить не мог, что в глазах Золотого Змея, живущего в мире убийств и не признающего правил, он был слишком слаб, да ещё и ведёт себя нагло — просто напрашивался на смерть.

Внутри Семьи Мэн и за её пределами — два совершенно разных мира.

Ах... Малыш Шу, оказывается, довольно надёжный.

<http://bllate.org/book/16142/1445584>